

Е. П. ПРИВАЛОВА

А. Т. БОЛОТОВ И ТЕАТР ДЛЯ ДЕТЕЙ

Имя Андрея Тимофеевича Болотова хорошо известно советскому читателю. Никогда, кажется, научное и литературное наследство этого замечательного деятеля русской культуры второй половины XVIII века не изучалось так пристально, как изучается оно в наши дни. Тщательно отобраны, изданы и прокомментированы «Избранные сочинения по агрономии, плодоводству, лесоводству, ботанике».¹ В статьях советских исследователей убедительно показана прогрессивная роль ученого в развитии отечественного естествознания. Мы узнаем о Болотове как о пропагандисте микроскопа в России: ему принадлежат четыре статьи о микроскопии, им была разработана методика наблюдения и заложены основы микрохимического анализа. «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков», остаются и сейчас важнейшим источником для изучения быта и нравов XVIII века. Правда, мы не имеем еще полного издания этого замечательного памятника русской мемуарной литературы и соответствующего современным научным требованиям комментария к нему. Однако неоднократные сокращенные издания записок А. Т. Болотова широко популяризировали его имя среди читателей. Литературоведами приведены в известность критические статьи Болотова. Не прошел мимо внимания исследователей богатый и сочный язык болотовских записок. Этой теме посвящена диссертация одного из советских лингвистов.²

¹ А. Т. Болотов. Избранные сочинения по агрономии, плодоводству, лесоводству, ботанике. Ред. статья, коммент. члена-корр. Акад. наук УССР И. М. Полякова и А. П. Бердышева. Изд. Московского общества испытателей природы, М., 1952, 512 стр.

² П. В. Бурба. Особенности лексики «Жизни и приключений Андрея Болотова, описанных самим им для своих потомков». Автореферат диссертации. Киев, 1953, 16 стр. (Государственный университет им. Т. Г. Шевченко).

Однако в многогранной деятельности Болотова остается одна сторона, совершенно не освещенная нашей наукой. Мы говорим об участии его в детской литературе. Между тем творчество Болотова для детей интересно с нескольких точек зрения.

Во-первых, в его лице мы имеем одного из ранних русских детских писателей. Первые опыты Болотова в этой области относятся к началу 60-х годов, т. е. к тому времени, когда двадцатилетний помещик, оставив ненавистную военную службу, уединился в сельце Дворяниново и отдался любимым занятиям — чтению и литературному творчеству. В эти годы оригинальные детские книги насчитывались единицами, а переводные едва ли десятками. Произведения Болотова для детей увидели свет во второй половине 70-х и в начале 80-х годов, т. е. тогда, когда рост детской литературы в России только еще намечался.

Важно отметить и другое: Болотов не был в детской литературе случайным гостем. Он пришел в нее сознательно, руководимый серьезными принципиальными соображениями, и писал много, упорно и горячо.

Земное благополучие, — а Болотов умел ценить и добиваться его, — тесно связывалось в его сознании с мировоззрением человека, с его умением «правильно» ответить на те основные вопросы, которые ставит перед всяким мыслящим существом жизнь.

«Познание бога, мира и человека есть неоспоримо превосходнейшие, но вкупе и полезнейшие и нужнейшие познания из всех прочих познаний человеческих. Ибо что нужнее для нас, как знать того, кто бытию нашему причиною, и уметь на следующие вопросы ответить: Что такое мы? Откуда от чего взялись? Где, в каких обстоятельствах и зачем живем и что с нами впредь будет? И когда не совершенно все сие знать, так по крайней мере, чтоб не быть в рассуждении сих пунктов совсем незнающим, а иметь хотя некоторое о том правильное и по нужде уже достаточное понятие».³

Болотов был искренне убежден в том, что он-то и обладал тем «правильным понятием», которое имеет «великие выгоды» делать человека «благополучным». В основе болотовского мировоззрения лежала религиозность. В его представлениях прекрасно уживалось ортодоксальное православие с явным влиянием протестантизма и немецкого идеализма. Религиозность Болотова

³ А. Т. Болотов. Детская философия, или нравоучительные разговоры между одною госпожою и ее детьми, сочиненные для поспешествования истинной пользе молодых людей, т. I, Унив. тип., М., 1776, стр. XIII.

поддерживалась его социально-общественными взглядами. Преданный сын своего класса, Болотов всегда оставался принципиальным защитником крепостнического режима. Это не значило, что взгляды его на окружающую действительность были лишены критики. Несмотря на всю свою сдержанность и осторожность, Болотов позволял себе отдельные критические суждения о фаворитизме и Потемкине. Образ жизни паразитирующего дворянства заставлял его нередко задумываться и грустить о печальном будущем своего класса. Взыскательный и суровый хозяин, Болотов с негодованием говорил о чрезмерных жестокостях диких крепостников. Но в основе всей этой критики лежало одно соображение — забота об интересах дворянства. В сущности, вся многогранная и плодотворная деятельность Болотова как ученого-естествоиспытателя была вызвана задачей интенсификации сельского хозяйства. Без решения этой важной задачи немыслимы были дальнейший рост и крепость дворянского корпуса. Для нас, свидетелей той большой работы, которую проделали советские ученые над изучением научного наследия Болотова, совершенно ясно сейчас, что мировоззрение его отнюдь не было столь цельным, как казалось когда-то читателям болотовских записок. Болотов-естествоиспытатель значительно выше Болотова-философа. Читая его научные труды, мы видим перед собою талантливого экспериментатора, сторонника идеи познаваемости мира, защитника роли опыта и практики в научном исследовании. Эти черты дали основание нашим ученым отнести Болотова в лагерь стихийных материалистов.⁴ Однако сам Болотов не чувствовал противоречивости своих взглядов. Он сумел сохранить монолитность мирозерцания, перекинув мост между своей деятельностью ученого и традиционным религиозным взглядом на мир. Таким мостом явилась идея целесообразности вселенной и сентиментальное восхищение «красотою натуры».

Глубокая убежденность в своей правоте сделала Болотова горячим пропагандистом дорогих его сердцу идей. Естественно, что внимание его обратилось прежде всего на детей. Он стремился приобщить детей, «сих будущих заместителей наших мест», к той мудрости, которой сам обладал. Он мыслил «поспешествовать с сей стороны общей пользе».⁵

⁴ И. М. Поляков и А. П. Бердышев. А. Т. Болотов и его труды в области сельскохозяйственной и биологической науки. В кн.: А. Т. Болотов. Избранные сочинения по агрономии, плодоводству, лесоводству, ботанике, стр. 426—474.

⁵ А. Т. Болотов. Детская философия, или правоучительные разговоры между одною госпожою и ее детьми, т. I, стр. X.

Из «Записок» Болотова мы знаем, как много времени отдавал он педагогической деятельности. Мы не говорим уже о том тщательном воспитании, которое он давал своим детям и внукам. Болотов постоянно вел занятия с племянниками и племянницами, брал на воспитание бедных родственников. Неустанно заботился об открытом в Богородицке пансионе для дворянских детей. Сам читал ученикам лекции по физике, геометрии и морали. Вел философские беседы с семинаристами. Организовывал волостное училище и ездил набирать для него учеников. Наконец, Болотов открыл театр, в котором играла руководимая им труппа детей.

Интерес к педагогике привел Болотова к детской литературе. Страстный любитель чтения, сам испытавший на себе его благотворное влияние, Болотов видел в книге могучее воспитательное средство. Он отдавал себе ясный отчет в тех трудностях, которые возникали перед каждым, кто пытался писать для маленького читателя. Детский писатель, по мнению Болотова, должен «входить во всю связь всей философической и некоторых других наук и извлекать из всех обширных ее частей, а особливо из физики и морали все нужнейшие и приличные к тому истины».⁶

Не менее сложна была и вторая задача: с детьми надо было говорить «так просто, предлагать все так хорошо, так ясно и располагать все материалы и перемены оным таким образом, чтобы они детям были, колико можно, понятны, и паче всего не скучны».⁷

Приведем перечень произведений Болотова для детей.

«Детская философия, или нравоучительные разговоры между одною госпожою и ее детьми, сочиненные для поспешествования истинной пользе молодых людей» — первый опыт автора в детской литературе.

Начав «Детскую философию» в 1763 году, Болотов закончил последнюю, седьмую, часть ее в 1776 году. Этому произведению писатель придавал очень большое значение. Работа над этой книгой натолкнула Болотова на ряд научных изысканий. Так, разрабатывая раздел физики в «Детской философии», автор увлекся изучением электричества, сконструировал электрическую машину и приступил к лечению электричеством больных. Научная работа Болотова-ботаника началась с поисков доступного материала о растениях для детской книги. Из написанных семи частей увидели свет только две: первая в 1776 году,

⁶ Там же, стр. XVI.

⁷ Там же, стр. XVI.

вторая в 1779 году. Переговоры о печатании «Детской философии» в университетской типографии послужили поводом для знакомства Болотова с Новиковым.

«Кунсткамора душевная» — начатая в 1772 году и не доведенная до конца детская энциклопедия в вопросах и ответах.

Пьеса «Честохвал», первоначально названная автором «Залыгалою», написанная в 1779 году, напечатана не была.

«Несчастные сироты, драма в трех действиях. Сочинена в Богородицке в 1780 г., напечатана в типографии Н. И. Новикова в 1781 г.»

Пьеса «Награжденная добродетель» (1781) в печати не появилась.

«Сельская академия» — незаконченная книга «о разных материях». Шесть первых «разговоров» были написаны в 1781 году.

В 1789 году Болотов набросал план детского журнала и даже заготовил материал для первых номеров его. Замысел остался неосуществленным. Мысль о журнале была вызвана тем, что в этом году прекратилась аренда Новиковым типографии Московского университета, вследствие чего окончилось издание «Детского чтения для сердца и разума».

По свидетельству М. П. Болотова, Андрей Тимофеевич высоко ценил свои пятнадцать томов, носивших название «Беседы деда с внуком». Произведение это до нас не дошло, и упоминаний о нем в болотовских записках нет.

Таким образом, Болотов работал по преимуществу над детскими пьесами и над книгами энциклопедического типа, которые должны были обогатить маленьких читателей фактическими знаниями и способствовать выработке их мировоззрения.

Настоящая статья ставит своей целью осветить одну сторону многогранной деятельности Болотова — его участие в создании театрального репертуара для детей.

Детские домашние спектакли не были редкостью в помещицком быту в те годы, когда Болотов приступил к организации театра. Во всяком случае, интерес детей к театральным постановкам был очень велик. Эта любопытная бытовая черта не раз отмечалась в литературе.

Автор «Драматического словаря» 1787 года говорит, что «мысль начать собирать российские оригинальные и переводные из разных языков драматические сочинения и делать им короткие по алфавиту описания» была вызвана настойчивыми запросами детей. Приехав в отдаленный от Москвы городок, автор словаря, сам страстный театрал, был поражен тем интересом к театру, который проявляли все члены семьи хозяина.

«Маленькие дети, — читаем мы в словаре, — резвясь подле меня завсегда, чем изъявляли мне свое усердие и привязанность, рассуждая со мною, спрашивали меня очень часто, какие забавы в Петербурге и в Москве, часты ли театральные представления, какие играют большие пьесы; но я, не зная всех наизусть, удовлетворял их любопытству наименованием только некоторых. Они, будучи сим недовольны, желали знать, кто которую сочинил, какая материя, чья музыка, когда представлена, удачно ли принята публикой».⁸

Интерес к детским спектаклям поддерживался сочинениями писателей-педагогов. В таком популярном среди русского дворянства педагогическом романе, как «Новое детское училище, или опыт нравственного воспитания» г-жи Жанлис, ряд страниц посвящен детскому театру. Французская писательница красноречиво доказывала воспитательную ценность спектаклей, поставленных силами детей: «Отрок не ведал и сам, как возлюбить чрез то добродетельные подвиги, при которых получил он только плескания в ладоши на театре». Здесь же давался конкретный совет, как создавать «сей новый род театральных штук», т. е. пьес для детей.⁹

Повод для организации домашнего театра дали сами дети. Молодежь города Богородицка, дети городничего, судей и других чиновников, увлекалась разучиванием отрывков из пьес и декламацией стихотворений. Подслушав случайно детские выступления, Болотов, «имея сам с малолетства приверженность к театральным зрелищам и упражняясь в молодости сам в подобных тому декламациях», сделал юным артистам ряд замечаний. Так возникла мысль о детском театре. В течение двух лет, с 1779 по 1781 год, при доме богородицкого управителя ставились спектакли, собиравшие частенько «одних благородных около 50-ти особ, а с прочими зрителями всего человек более двухсот». Во главе театра стоял сам хозяин. Он был в нем архитектором и столяром, и живописцем, и антрепренером, и режиссером, и автором.

⁸ Драматический словарь, или показания по алфавиту всех российских театральных сочинений и переводов с означением имен известных сочинителей, переводчиков и слагателей музыки. М., 1787, стр. 4

⁹ Новое детское училище, или опыт нравственного воспитания обоого пола всякого состояния юношества; содержащий препознейшие наставления к образованию разума и сердца и совершенному нравственному воспитанию, представленные в изящнейших письмах, сочинениях весьма известного и прославившегося своими касающимися до воспитания и других предметов нравственности графиню Жанли, т. I. СПб., 1792, стр. 224—226.

Первой заботой Болотова было приспособить под театр одну из просторных комнат богородицкого дворца. Когда спектакли умножились и приобрели известность в округе, в театр был превращен один из дворцовых сараев. Крепостные маляры, столяры и плотники соорудили под руководством Болотова «с надлежащим возвышением сцену», двойные кулисы, партер и «помосты позади оного для прочих зрителей, о многих лавках и ступенях». В результате получился заправский театр, «театрик как водится», по выражению одного из зрителей. Импозантный характер театру придавал также оркестр, встречающий публику «громкой симфонией».

Труппа состояла из детей разных возрастов. Главные женские роли играла дочь хозяина Елизавета, юная девушка «нарочитого уже возраста и лицом собою прекрасная». Роли стариков удачно исполнял тринадцатилетний болотовский воспитанник Сезенев. Общим любимцем зрителей был маленький сын Болотова — Павел. Принимали участие в труппе и дети дошкольного возраста. На их долю доставался дивертисмент. Спектакли заканчивались балетом, «пропрыганным малютками». Сам Болотов выступал обычно в роли главного положительного героя.

Много энергии уходило на изготовление декораций. Над ними трудился не только сам руководитель театра, но и крепостной живописец, а также вся детская труппа. Характерно стремление Болотова подойти как можно ближе к натуре, создать у зрителя полную иллюзию реальности. Труды художника не пропадали даром. «Великий гром биением в ладоши» встречал поднятый занавес. Особенно восхищались зрители открывшимся перед ними морским пейзажем и подплывающим к острову кораблем, как две капли воды похожим на настоящее судно. «Декорация сия не постыдна была и для лучшего городского театра», — с гордостью писал Болотов.¹⁰

Но самым трудным и ответственным был выбор репертуара. Для начала Болотов обратился к общей театральной литературе.

Репертуар болотовского театра был достаточно богат и разнообразен. Спектакли открылись постановкой пьесы Хераскова «Безбожник». Произведение это, написанное еще в 1761 году, продолжало старую традицию школьных назидательных драм первой половины XVIII века. Далее ставился ряд комедий Сумарокова: «Три брата совместника», «Приданое обманом», «Рогоносец по воображению». Проскользнули в болотовском репертуаре «Отгадай, не скажу», комедия М. Попова, автора,

¹⁰ Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков, т. III. СПб., 1872, стлб. 903.

чуждого эстетике Сумарокова, и «довольно забавная» пьеса «Подражатель», написанная неизвестным автором, жителем города Дмитрова. Тяга Болотова к русскому репертуару несомненна. Это не мешало ему увлекаться старой пьесой Ле-Грана «Новоприезжие» в переделке А. Волкова и переведенной с французского веселой и популярной комедией «Необитаемый остров».

Болотов со свойственным ему педагогическим чутьем должен был скоро понять, что постановка подобных произведений силами детей была делом нелегким: «Возраст детей величайшие предлагал к тому препоны», не говоря уже о том, что юным артистам надоедало по многу раз выступать в одних и тех же вещах. Болотову удалось хорошо сформулировать требования к пьесе для детского театра. По его словам, он нуждался в «комедии, расположенной таким образом, чтоб все действующие в нем лица действительно сообразны были и с самыми летами, возрастом и свойствами тех детей, которые должныствовали представлять в ней разные роли».¹¹

Оставался один выход: взяться за перо самому. И вот Болотов берется за «предприятие, поистине отважное». Он приступает к созданию репертуара, посильного для детей-артистов. Результаты скоро показали неопытному, но смелому драматургу, что дело, взятое им на себя, не так уж сложно: «Против всякого чаяния полилась материя из пера моего, как река», — не без самодовольства пишет Болотов в своих мемуарах.¹²

Так обогатился детский театр тремя болотовскими пьесами. Говоря о своей первой комедии «Честохвал», автор отмечает в ней обилие «морального, сатирического и комического» элемента. Ее цель — осмеяние лгунов, хвастунов, невежд и молодых волокит. Им противопоставлены «добродетельные деяния» примерных детей. Последняя и наиболее любимая автором пьеса «Награжденная добродетель»¹³ ставила задачу изобразить в главном лице «характер наиболее добродетельнейшего человека». Преследуя воспитательную цель и никак не отказываясь от прямой и примитивной назидательности, Болотов, тем не менее, сумел отразить в своем творчестве и живую действитель-

¹¹ Там же, стлб. 871.

¹² Там же.

¹³ Пьеса Болотова дошла до нас лишь в автографе, хранящемся в Отделе рукописей ГПБ в собрании Помяловского (см.: Д. И. Абрамович Каталог собрания рукописей профессора И. В. Помяловского, ныне принадлежащих императорской Публичной библиотеке. СПб., 1914, стр. 49). — Там же находится и автограф «Несчастливых сирот» (стр. 49—50). — *Прим. Ред.*

ность, которая, правда, пока еще очень робко завоевывала себе место в произведениях для детей. В этом отношении несомненный интерес представляет драма в трех действиях «Несчастные сироты».

Рассматривая пьесу Болотова как одно из звеньев русской драматургической литературы для детей, мы должны поставить перед собой следующие два вопроса. Какое место занимало это произведение в литературном процессе того времени? Что нового внесли «Несчастные сироты» в детскую театральную литературу 70—80-х годов?

Обратимся к содержанию пьесы. Молодая девушка Серафима и маленький брат ее Ераста живут в семье их дальнего родственника Злосердова. Злосердов стремится завладеть состоянием сирот. С этой целью он хочет женить своего сына Митрофана на Серафиме, а Ераста каким бы то ни было способом извести. Жестоким преследованиям подвергается со стороны Злосердовых Родивон, преданный слуга несчастных сирот. Родивона назначают лесником и заставляют под страхом наказания выполнять непосильный урок — рубить дрова, а также отвечать за целостность барских угодий. Митрофан делает все возможное, чтобы подвести слугу под наказание. В имение Злосердовых случайно попадает добродетельный граф Благонравов. Он влюбляется в Серафиму. Родивон рассказывает ему о судьбе несчастных сирот. Уезжая, граф велит преданному слуге дать ему знать, если Серафиме и ее брату будет грозить опасность. Тучи над головами сирот сгущаются. Злосердов запирает Серафиму и требует в течение получаса согласия на брак с Митрофаном. Девушка отвечает отказом. Злосердов велит послать за священником, чтобы обвенчать Серафиму насильно. Ераст помогает сестре уйти. Мальчику грозят жестокой расправой. Не спасает Ераста даже жестокая болезнь. Он отравлен пирогом с мухоморами, которым угостил его Митрофан. Родивона грозят засечь до смерти. Верный слуга произносит горячую речь, обличая тиранов. Графский лакей, пришедший извиниться за причиненные убытки и испросить прощение виновному леснику, становится свидетелем издевательств Злосердова над сиротами. Слуга спешит сообщить обо всем своему господину. Является граф в сопровождении отряда солдат с офицером во главе. Благонравов именем государя велит офицеру арестовать Злосердовых. Ерасту дают противоядие. Граф делает предложение Серафиме.

В научной литературе достаточно подробно изучены комедии, вышедшие после «Недоросля» и принадлежащие к фонвизинской школе. Неоднократно указывалось также и на то, что

для зрителей, современников Фонвизина, многое в его комедии было хорошо знакомо. Все главные фонвизинские персонажи не раз уже появлялись в более ранних пьесах. К таким пьесам, имеющим точки соприкосновения с «Недорослем», относятся и «Несчастные сироты». Можно наметить следующие сюжетные мотивы, сближающие оба произведения: 1) состоятельная девушка-сирота находится во власти жадных и способных на всякий произвол родственников; 2) родственники из корыстных побуждений замышляют женитьбу хозяйского сына на девушке-сироте, не останавливаясь при этом даже перед насилием; 3) злодеи разоблачены проезжим господином, который является носителем правды и благородства; 4) злодеи подвергнуты наказанию. Арест в одном случае и наложение опеки в другом организованы тем же господином, а осуществлены проходившим мимо воинским отрядом.

Общность сюжетной схемы обеих пьес не говорит еще ни о влиянии, ни о заимствовании. Оба автора наблюдали одну и ту же действительность. В окружающей их жизни факты, рассказанные великим комедиографом и скромным автором пьес для домашнего детского театра, не были редкостью. Но известную роль могла играть и литературная традиция. Невинность в сетях порока, добродетельная девушка-сирота, воспитанница корыстолюбивых и деспотичных родственников — мотив, часто встречающийся в театральном репертуаре XVIII века. Подобная ситуация положена в основу сумароковских комедий «Опекун» и «Лихоимец». Происки Злосердовых против Ераста напоминают поступок Чужехватова, героя «Опекуна», с одним из близнецов, наследников большого состояния.

Обратимся к дальнейшему идейному и художественному анализу болотовской пьесы.

Главным героем драмы Болотова является помещик Злосердов. Фамилия вполне определяет его внутреннюю сущность. Это злодей в полном смысле этого слова, корыстолюбец, самодур и тиран. Его месту в болотовской пьесе соответствуют роли Чужехватова и Кашея у Сумарокова, хотя по своему характеру Злосердов ближе к типу дикого и невежественного помещика в стиле Скотинина, чем к ханже и лицемеру — герою «Опекуна». Роль Злосердова выпадает в «Недоросле» на долю Простаковой. Их роднит между собою не только положение, в котором они очутились, но отчасти и черты характера. Но в лице Простаковой Фонвизин сумел дать подлинно реалистический образ, вложив в него громадную силу обобщения и обнаружив его социальную сущность. Болотов, со свойственной ему идейной ограниченностью, не мог даже приблизительно стать на путь

автора «Недоросля». Злосердов просто одержимый порочными страстями злой человек, связь которого с породившими его уродливыми социальными условиями никак не показана. Нет в нем и положительных, человеческих черт фонвизинской героини. В этом Болотов стоит ближе к своему учителю — Сумарокову.

Митрофан Простакову соответствует у Болотова его тезка — Митрофан Злосердов. Помимо имени, их роднит и ситуация, в которой они находятся: оба хозяйские сынки, оба не прочь жениться, хотя бы и насильно, на состоятельной сироте. Во всем остальном фонвизинский Митрофан, хам и невежда, типичный недоросль, ничем не напоминает болотовского героя. Митрофан Злосердов — как бы другая сторона своего папаша. Если Злосердов-отец — вспыльчивый самодур, который от малейшего противоречия приходит в ярость, «как загорел огонь полымя», то Злосердов-сын — коварный и низкий пройдоха, не останавливающийся ни перед чем для достижения своей цели. Именно он, а не отец, отравляет Ераста мухоморами. Серафима дает Митрофану исчерпывающую характеристику. По ее словам, он «скарעד», «изверг естества», «негодяй», «глупец, который уже о сю пору непотребствует и погружен во все пороки». Характерно, что Болотов наделяет своего отрицательного героя еще одним недостатком, который в глазах благочестивого автора кажется самым ужасным из всех. От Серафимы мы узнаем, что Митрофан не чужд атеистических мыслей. Он «презирает и поносит» бога. В этом отношении болотовский Митрофан напоминает Руфина, героя комедии Хераскова «Безбожник».

Если в основном характеры ведущих персонажей «Несчастных сирот» и «Недоросля» не во всем совпадают, то в отдельных проявлениях их душевной жизни, в деталях их поведения, наконец просто в манере выражать свои мысли чувствуются родственные черты.

И Злосердовы и Простаковы корыстолюбивы. Они спят и видят, как бы овладеть состоянием своих беззащитных питомцев. Интересно, как раскрывается эта черта в обеих пьесах.

Словом не мы ему дороги, а наши деревни, — говорит о Злосердове Серафима. — Они прельщают его до бесконечности; ему их-то прибрать к рукам хочется.¹⁴

¹⁴ А. Т. Болотов. Несчастные сироты, драма в трех действиях. Сочинена в Богородицке, в 1780 г. М., в Унив. тип. у Н. Новикова, 1781, стр. 18. В дальнейшем цитируется сокращенно: Несчастные сироты

В последнем действии девушка еще раз возвращается к той же мысли:

Не я ему нужна, а наши деревни.¹⁵

Родивон, рассказывая графу о насилии Злосердовых над сиротами, говорит:

По всему видимому, есть у дядюшки его с сыном на уме посредством сей женитьбы каким-нибудь образом прибрать к себе все его деревеньки.¹⁶

Вспомним страницу из «Недоросля».

Г-жа Простакова. Неужели тебе эта девчонка так понравилась?
Скотинин. Нет, мне нравится не девчонка.

Простаков. Так по соседству ее деревеньки?

Скотинин. И не деревеньки, а то, что в деревеньках ее водится, и до чего моя смертная охота.¹⁷

В живом, выразительном, богатом интонациями фонвизинском диалоге полностью вскрывается психология Скотинина и Простаковых. Лаконичное, несколько сухое утверждение Серафимы «не я ему нужна, а наши деревни» как бы получает здесь свое дальнейшее развитие.

Злосердов и Простакова — оба страшные люди, но страшны они по-разному. Читая «Недоросля», мы ясно сознаем, что весь ужас показанного автором общественного уклада заключается в том, что семья Простаковых отнюдь не составляла исключения. Простаковых и Скотининых было много. Злосердов же изображен автором как «изверг естества», как явление из ряда вон выходящее, существующее безотносительно к той среде, с которой он связан и которая его породила. Дело здесь не только в том, что Фонвизин как большой художник показал зрителю типичные черты современности. Много зависело, конечно, и от разных точек зрения, с которых оба автора рассматривали окружающий их мир социальных отношений. Болотову был чужд гражданский пафос Фонвизина. В глазах автора Злосердов прежде всего злодей, а потом уже крепостник. Характерно, что Злосердов неистовствует не столько среди рабов, сколько среди своих дворянских родственников. По отношению к отпрыску благородного рода Ерасту дядюшка тоже применяет «щипанцы, толчки и проклинания ежеминутно». Плетки и арпаники в его практике постоянные атрибуты. Речь Злосердова пестрит выражениями, вроде следующих: «Размучу всех!»;

¹⁵ Там же, стр. 83.

¹⁶ Там же, стр. 83.

¹⁷ Д. И. Фонвизин. Недоросль. В кн.: «Русская комедия и комическая опера XVIII столетия». Изд. «Искусство», М.—Л., 1950, стр. 315.

«Ключьями полетит мясо, только дай мне дорваться до него»; «Растерзаю мошенника и, подымя за ногу, так о дерево и тяпну»; «О ракалия! Люди, подай плетей, раздевай его!»; «Исторгну дух твой из сего злодейского тела!»; «Да за волосы! Слышите! Так и тащите!» Эти угрозы направлены столько же на преданного раба Родиона, сколько и на Ераста с Серафимой.

Тема крепостничества для Фонвизина была центральной темой. Болотов только коснулся ее, рассматривая своих героев преимущественно как носителей общечеловеческих пороков и добродетелей. И всё же те места, где автор пытается раскрыть перед читателем психологию барина-крепостника, лучшие в пьесе.

Злосердов остро реагирует на приход графского слуги. Самодур-помещик видит в заступничестве графа за Родивона недопустимое посягательство на свои права.

Слушай, слуга! — вопит Злосердов. — Скажи ты своему господину, граф ли он, князь, мне нужда невелика! По мне он хоть бы раскнязь, а луг мой и вытравлять его не годилось бы. А с своими уставами он в чужую церковь не ходи: лесник мой, и я, что хочу, то с ним и делаю. Ему не годится мне указывать.¹⁸

Деспот-помещик так не привык даже к самым мягким формам вмешательства в свои дела, что буквально ошеломлен всем происшедшим. К словам графского посланца он возвращается не раз:

Великий чорт! Граф! Видал я этаких графов, баронов и князей довольно! Подъехал чем! Не секи-де я лесника! Укажет он мне! Вот еще какой! Для этой просьбы прибавлю еще более. Благо все кстати одно к одному.¹⁹

Дикие вопли и неистовые угрозы Злосердова действуют на нас меньше, чем эта маленькая сценка. Там перед нами, действительно, «изверг естества». Здесь живой человек. В этой сцене мир Злосердовых созвучен миру Простаковых и Скотининых, ярко выраженному в знаменитом диалоге:

Правдин. А за что вы хотите наказывать людей ваших?

Г-жа Простакова. Ах, батюшка! это что за вопрос? Разве я не властна в своих людях?

Правдин. А вы считаете себя вправе драться тогда, когда вам вздумается?

Скотинин. Да разве дворянин не волен поколотить слугу, когда захочет?

Правдин. Когда захочет! Да что за охота? Прямой ты Скотинин (2-же Простаковой). Нет, сударыня, тиранствовать никто не волен.

¹⁸ Несчастные сироты, стр. 105.

¹⁹ Там же, стр. 107.

Г-жа Простакова. Не волен! Дворянин, когда захочет, и слуги высечь не волен! Да на что ж дан нам указ-от о вольности дворянства? Стародум. Мастерца толковать указы!²⁰

Болотов дает в зародыше то, что на широком социальном фоне и глубоко показано в комедии Фонвизина.

В последнем действии драмы Болотова, которое, кстати сказать, самое сильное в пьесе и вместе с тем наиболее близкое к «Недорослю», заключительная сцена явно близка к фонвизинской. Психологии Простаковой и Злосердова здесь совпадают.

Граф застаёт Злосердова в момент его дикой расправы с сиротами.

Граф. Постойте! Погодите на часок, государь мой! Еще успеете! (Все пугаются и люди покидают девицу). Что это такое? Государь мой, в чем это изволите упражняться?

Злосердов. А вы что пришли за указчики, и какая вам нужда?

Дальше действие продолжает нарастать и достигает своего кульминационного пункта:

Граф. Ах, злодей! Изверги естества! Своего ли вы затеяли. (К солдатам) Тотчас окружите обоих сих бездельников и ведите прямо в город. Сей же час представляю их пред суд и предаю наказанию, какое они по строгости законов заслужили. (Солдаты хотят вести).

Злосердов. (Не даваясь) Как! Меня! Здесь! Люди! Чего смотрите?²¹

Помещик, не знающий преград своему произволу, растерян, чувствуя, как власть уходит у него из-под ног. Такие же чувства охватывают и Простакову, но кипучая натура ее долго еще не может уgomониться. Злосердов же больше не произносит ни слова.

Раскрытие порочного характера главного героя было основной задачей автора.

Гораздо меньше удался Болотову показ добродетельных персонажей. Серафима и Благодрагов не живые люди, а схемы. Но трактовка этих схем очень показательна для миропонимания писателя.

Сирота-воспитанница Серафима — традиционный персонаж пьес того времени. Вспомним сумароковских героинь: Сострату из комедии «Опекун», Изабеллу из «Лихоимца», Флориду из

²⁰ Д. И. Фонвизин. Недоросль. В кн.: Русская комедия и комическая опера XVIII в., стр. 362—363.

²¹ Несчастные сироты, стр. 122.

«Рогоносца по воображению», наконец фонвизинскую Софью. Образ Серафимы наделен всеми добродетелями, приличествующими ее полу и возрасту. Она скромна, чувствительна, невинна. Участь молодой девушки должна вызывать сочувствие зрителя. Ко всем ее качествам Болотов прибавляет еще одно: Серафима образована. Граф приходит в умиление, увидав в руках юной девицы нравоучительные книги «О красоте природы» и «Христианин в уединении». «Какая невинность и украшенная еще разумом и охотою к чтению книг и книг еще столь полезных», — восклицает Благонравов.²²

Софья в «Недоросле» тоже читает. Стародум одобряет чтение племянницей трактата «О воспитании девиц», так как он написан рукой Фенелона, автора бессмертного Телемака. Выбор книг очень характерен: в первом случае назидательная литература, уводящая читателя в мир изысканных духовных наслаждений, во втором — имя автора, которое среди либерально настроенного дворянства воспринималось как причастное к политической оппозиции.

В пьесе Болотова граф Благонравов исполняет роли фонвизинских положительных героев — Правдина и Милона. Он женится на Серафиме, то есть тем самым осуществляет развязку сюжетной линии пьесы. Вместе с тем он является рукой правосудия, карающей злодеев. Но болотовский герой лишен той идейности, которая характерна не только для Правдина, но и для Милона. Правдин — носитель дворянской правды, разоблачитель «тех злонравных невежд, которые, имея над людьми своими полную власть, употребляют ее во зло бесчеловечно». Милон не просто жених и не случайно военный: он идеальный представитель армии, как его понимал Фонвизин. Благонравов не высказывает никаких политических суждений. Он действует от имени правительства. «Приказываю вам по данной от государя моего власти», — говорит граф солдатам. На основании чего дана ему эта власть — мы не знаем. Благонравов далек от мысли искоренить общественное зло. Граф арестовывает насильников, которые терзают бедных сирот, ребенка и юную девушку. Отчасти им руководят и личные соображения. Он влюблен в Серафиму.

Но Благонравов не только носитель судьбы, карающей порок и венчающей добродетель. Он очень напоминает нам тех любителей природы и философических разговоров, тех прекрасодушных помещиков, с которыми так любил побеседовать

²² Там же, стр. 38.

Болотов. Вот монолог, вскрывающий душевный мир идеального графа:

Ах, какое это прекрасное место! — восклицает он, любясь прекрасной лужайкой. — Какая милая площадка как нарочно сделанная для гульбища: истинно она достойна того, чтоб ею полюбоваться. Какое прекрасное зрелище представляет очам сия вода! сии берега! и эти горы! Ах! Натура! как ты в иных местах прекрасна, и какое утешение может принести умеющему тобою любоваться²³

Большую роль в пьесе Болотова играют слуги. Их много: Родивон, Марианна, Дмитрий и Ерофей. В них нет и тени того грубоватого реализма, который проглядывает моментами в образах сумароковских слуг. Мы не говорим уже о Еремеевне и Тришке в «Недоросле». В сравнении с ними слуги у Болотова — бледные тени, которые делятся на добрых и злых, в зависимости от того, кому они служат. Так, Ерофей, слуга Митрофана, не уступает своему господину в коварстве и подлости. Одним из центральных героев пьесы является Родивон. Недаром автор, любивший исполнять роли идеальных персонажей своих произведений, выступал перед публикой в образе Родивона. В его лице Болотов воплотил свой идеал преданного слуги. Родивон — личность героическая. Ради своих господ он готов пожертвовать жизнью. Вместе с тем образ Родивона — наиболее бледный в пьесе. Его гладкая, несколько приподнятая речь, совершенно лишенная каких бы то ни было элементов простонародности, значительно уступает живым диалогам отрицательных героев пьесы. «Недоросль» — острая политическая комедия, созданная рукой большого художника. «Несчастные сироты» — посредственная морально-бытовая пьеса, написанная дилетантом в художественной литературе и предназначенная для детского домашнего театра. И тем не менее трудно не заметить сходства между ними в трактовке отдельных сцен и положений.

По свидетельству автора, драма «Несчастные сироты» была написана с молниеносной быстротой: начатая 19 июля 1780 года, она была закончена 22-го того же месяца. В августе она уже шла на сцене. В 1781 году Новиков издал ее в университетской типографии. Книга вышла тогда, когда работа над «Недорослем» еще не была закончена.

Не есть ли перед нами еще один факт, характеризующий много раз отмеченную в науке черту творческой работы великого сатирика, его умение, оттолкнувшись от поразившей его

²³ Там же, стр. 31.

детали в чужом произведении, создавать картины большого обобщения и художественной силы?

«Несчастные сироты» не оставили сколько-нибудь заметного следа в литературе, тем не менее постановка подобной пьесы на сцене домашнего детского театра — факт немаловажный. Дело в том, что детский театральный репертуар в те годы был чрезвычайно беден. Первая попытка восполнить этот пробел принадлежала Новикову. В 1779 году в университетской типографии у Новикова был издан переведенный с французского «Театр для пользы юношества». В него вошли моралистические драмы и комедии Жанлис из жизни французской аристократии, а также небольшие сценки, в которых конфликты между добродетельными и порочными детьми разрешались при участии доброй феи. Год спустя, в апрельской книжке новиковского журнала «Утренний свет» за 1780 год, появилась пьеса «Награждение добродетели», принадлежащая перу русского автора.²⁴

Эта пьеса представляет особый интерес, потому что, являясь редкой для своего времени пьесой для детей из русской жизни, она была написана в тот же год, когда и драма А. Т. Болотова «Несчастные сироты».

Пьеса «Награждение добродетели» выходила отдельным изданием, а также вошла в состав анонимного сборника «Собрание трудов одного россиянина изданное в пользу училищ, заведенных издателями „Утреннего света“» (1781).

В. П. Семенников в статье «Литературно-общественный круг Радищева»²⁵ называет, не приводя доказательств, автором сборника Игнатия Антоновича Тейльса. Правота В. П. Семенникова подтверждается при сличении книг, вышедших за подписью И. А. Тейльса, с произведениями, вошедшими в состав анонимного сборника. Так, «Слово на день Всерадостного от прививания оспы выздоровления ее имп. величества...», изданное И. А. Тейльсом в 1771 г., почти дословно совпадает с «Похвальным словом Ее Императорскому величеству», включенным в «Собрание трудов одного россиянина».

Игнатий Антонович Тейльс (1744—1815) — сын Антона Вильгельмовича Тейльса, переселившегося из Голландии в Россию по приглашению Петра Первого. Один из братьев

²⁴ «Награждение добродетели», драма, представленная питомцами Александровского училища, заведенного в Санктпетербурге издателями Утреннего света и для них сочиненная. «Утренний свет», 1780, ч. VIII, апрель, стр. 346—383.

²⁵ А. Н. Радищев. Материалы и исследования. Изд. Акад. наук СССР, М.—Л., 1936, стр. 217—218.

И. А. Тейльса был Антон Антонович Тейльс, директор Московского университета, поэт, переводчик Паскаля в новиковском журнале «Утренний свет». В 60 и 70-х годах И. А. Тейльс служил преподавателем немецкого языка, а позднее секретарем Совета Сухопутного шляхетного кадетского корпуса. В это время он был одним из издателей журнала «Приятное с полезным». Будучи масоном, Тейльс имел тесную связь с Н. И. Новиковым. В 1784 году Н. И. Новиков рекомендовал Тейльса в капитул масонского ордена в Петербурге. Есть основание думать, что И. А. Тейльс принимал участие в новиковском «Обществе старающихся о напечатании книг». Был он также деятельным членом «Общества друзей словесных наук».

Тейльсу принадлежит ряд книг, а также переводов, в том числе перевод «Дон Кихота» Сервантеса. В 1786 году Тейльс оставил Сенат, в котором служил, и переехал в Тверь, где получил место председателя Уголовного суда и директора народных училищ. Умер Тейльс в Белостоке, будучи сенатором, тайным советником и управителем Белостокской и Тарнопольской областей.

Несомненно, Игнатию Тейльсу, а не Антону Тейльсу, как указано в указателе Рогожина, принадлежит пьеса «Чувствование благотворений, драма с балетом, сочиненная в Твери и в высочайшем присутствии их имп. высочеств государей великих князей Александра Павловича и Константина Павловича, представленная питомцами Тверского дворянского училища 1787 г. июля 9 дня», изданная в 1787 году.

Анонимное «Собрание Трудов одного россиянина» подводит итог раннему периоду творчества И. А. Тейльса.

Таким образом, удастся установить еще одно имя среди деятелей детского театра XVIII века. Пьесы Тейльса интересны тем, что обе они построены на русском материале. Пьеса «Чувствование благотворений» отличается ярко выраженным панегирическим характером. Цель ее — восхваление Екатерины II, которая, по мысли автора, затмила своими делами даже Петра Великого. Действие происходит в пригородном тверском имении. В центре внимания два помещика: просвещенный граф Богомыслов и приверженец старины Старолесов. Граф восхищен вновь открытыми народными училищами. Старолесов с умилением вспоминает прошлое, когда дворяне не умели подписать своей фамилии, а дворянские детки довольствовались нянюшкиными сказками о Бове Королевиче и о Петре Золотые ключи.

Значительнее и богаче содержанием пьеса «Награждение добродетели». Ее герой Милосердов — человек наибогороднейший. Он посвящает свою жизнь заботам о страждущих и несчастных.

Завязкой пьесы «Награждение добродетели» служит преступление слуги Степана. Постоянов, барин, которому предан Степан, разорился благодаря легкомысленно проведенной молодости и зарабатывает хлеб сапожным ремеслом. Не будучи в силах смотреть на непосильный труд и бедность своего господина, слуга решается ограбить богатого приезжего барина Милосердова. Выслушав рассказ раскаявшегося Степана, Милосердов берет к себе семью Постояновых и их верного слугу.

В пьесе, рассчитанной на юного зрителя-разночинца или на детей обедневших дворян, последовательно проводилась мысль о том, что умный и добродетельный слуга должен играть роль друга и советчика молодого барина. Большинство персонажей драмы — простые люди: слуги, дети крестьян, живущие своим трудом обедневшие дворяне, мальчик-пастух. В центре пьесы живой, вызывающий симпатии зрителя образ Степана. Интересна речь его, пересыпанная пословицами, поговорками и диалектизмами. Положительный герой Милосердов не удался автору. Образ его значительно снижается в сцене ограбления, когда Милосердов проявляет невероятную трусость и растерянность. Любопытная бытовая черта: добродетельный богач отдает деньги в рост, чтобы обеспечить образование взятым на свое иждивение детям Постоянова. Несмотря на то, что действие протекает в Московском уезде, пьеса, в сущности, лишена местного колорита. Отсутствует на ней и печать времени. Отдельные удачные сцены не меняют общего впечатления. Пьеса слащавая и сентиментальна.

Сравнение драмы Болотова с пьесой Тейльса говорит о том, что «Несчастные сироты» и в идейном и в художественном отношении являлись несомненным шагом вперед. Маленький зритель видел на сцене кусок окружающей действительности и учился осуждать ее уродливые явления. Характерно стремление Болотова связать всё происходящее на сцене с определенным историческим моментом. Серафима и Ераст — не просто «несчастные остатки одной благородной и крайне добродетельной фамилии». Отец их погиб во время турецкой войны, а мать «нечаянно захвачена была одною партией злодеев и умерщвлена без милосердия».²⁶ Подобное отношение к пугачевцам характерно для Болотова, автора полного классово-ненависти рассказа о казни Пугачева.

В 80-х годах XVIII столетия в русскую детскую литературу хлынул поток переводных комедий и драм. В изобилии переводились Кампе, Беркен, Жанлис. Драматургия для детей значи-

²⁶ Несчастные сироты, стр. 77.

тельно обогатилась с выходом в свет «Детского чтения для сердца и разума». Новиковский журнал бережно отбирал все лучшее среди пьес Запада. Маленький читатель находил на страницах «Детского чтения» многое, что волновало его сердце и воображение. Известно, что Н. И. Пирогов с умилением вспоминал на старости лет прочитанную в детском журнале пьесу Беркена «Невинная ворожба». Не случайно именно ее использовали впоследствии составители хрестоматий. Некоторые из пьес, несмотря на иностранное происхождение, оказывались созвучными русской жизни. Такова переведенная с французского комедия «Благородство в низком состоянии», одна из лучших пьес «Детского чтения».²⁷ Правдивый живой образ спесивой помещицы и поднятая автором проблема отношений барчат с простыми детьми не могли не задевать русского читателя.

Достоинства зарубежного репертуара не умаляют заслуги Болотова, автора одной из ранних детских пьес, написанных на русском материале — драмы о зверствах помещика-злодея. Однако пьеса настоящего социального звучания, пьеса антикрепостническая в полном смысле этого слова появилась позже. Мы говорим о «Солдатской школе» Н. Н. Сандунова, поставленной в театре Московского университетского благородного пансиона в 1794 году.

²⁷ Источник пьесы «Благородство в низком состоянии» — драма «Le paysan généreux» (в кн.: *Entretiens, drames et contes moaux à l'usage des enfants par madame De La Fite*, I, 1791, стр. 184—220) По свидетельству автора, пьеса заимствована из немецкого журнала «Kinder-Freund» Вейссе